

К описанию шугнанской морфонологии: предварительные замечания

Юрий Юрьевич Макаров¹, Владимир Александрович Плунгян²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

^{1,2}Институт языкознания РАН

¹yurmak@iling-ran.ru, ²plungian@iling-ran.ru

В настоящих заметках мы хотели бы привлечь внимание к чрезвычайно богатой и разнообразной системе вокалических и консонантных чередований, засвидетельствованных в шугнанском¹ языке. Мы ограничимся только шугнанским материалом (как наилучшим образом документированным на сегодняшний день), хотя рассматриваемые явления в большинстве случаев характерны и для других памирских языков и могут считаться их общей чертой. Своеобразные системы чередований памирских языков, безусловно, представляют значительный интерес не только для иранистики, но и для ареальной типологии и для той части общей теории языка, которая занимается взаимодействием морфологии и фонологии (или, как сейчас модно говорить, проблематикой интерфейса).

При описании чередований шугнанского языка мы используем как (немногочисленные) данные существующих грамматических описаний (прежде всего [Карамшоев 1963], а также [Эдельман, Юсуфбеков 1999, Edelman, Dodykhudoeva 2009]) и словаря [Карамшоев 1988, 1991, 1999]², так и собственные полевые материалы, полученные в ходе работы с носителями шугнанского языка в 2017–2022 гг. Особое значение для нашего исследования имеет

¹ Шугнанский (насчитывающий ок. 100 тыс. носителей) распространен в нескольких районах таджикского и афганского Бадахшана (в том числе в центре Горно-Бадахшанской автономной области городе Хорог) и является наиболее крупным и социолингвистически значимым языком так наз. памирской подгруппы восточно-иранской ветви иранской группы. Он входит в состав шугнано-рушанского кластера, объединяющего около десятка близкородственных памирских языков и диалектов, но с гораздо меньшим числом говорящих.

² Электронная версия этого словаря с рядом исправлений и дополнений размещена на сайте <https://pamiri.online>, см. также [Makarov et al. 2022].

статья [Муравьёва 1975], являющаяся единственной известной нам публикацией, специально посвященной данной тематике; работа И.А. Муравьёвой была написана до появления обширного словаря Д. Карамшоева, но в ней, помимо полевых материалов автора, учтены данные словаря в издании шугнанских текстов И.И. Зарубина [1960], а также базовые сведения о шугнанской фонетике, приведенные в исследовании [Соколова 1953]. Важную роль для решения нашей задачи играют также данные сравнительно-исторических исследований (ср., например, [Пахалина 1983; Эдельман 1986; и др.]).

В шугнанском языке можно выделить два различных класса чередований (между которыми, однако, нет абсолютно жесткой границы). С одной стороны, это чередования, которые сами по себе являются носителями различных грамматических значений — как правило, единственными, без поддержки сегментных средств. С другой стороны, это чередования, которые можно считать обусловленными фонологическим контекстом: последовательность фонем А заменяется на последовательность фонем В в определенном фонетическом окружении (либо всегда, либо только в определенных условиях, характер которых также важен для классификации чередований).

Данное различие хорошо известно в теоретической лингвистике и фигурирует под разными названиями. Чередования первого типа могут называться, например, «непозиционными» (как у И.А. Муравьёвой) или «апофониями» (как это предлагал И.А. Мельчук, ср. [Мельчук 2000] и, более специально, [Mel'čuk 1996]). Чередования второго типа — соответственно «позиционные» или «альтернации» — далее подразделяются по степени обязательности появления чередования в соответствующем контексте и по типу ограничений на реализацию чередования: так, известно противопоставление «автоматических» и «исторических» чередований [Маслов 1979/2004], а также различие внутри «исторических» чередований тех, реализация которых связана с лексическими или с грамматическими признаками, и т.п.; подробнее см. обзор этой проблематики в [Плунгян 2009].

В шугнанском языке представлены все эти типы чередований; попробуем ниже дать предварительную характеристику основным явлениям в этой обширной области. Поскольку фонетические различия между вариантами языка могут быть достаточно значительны, заранее условимся, что в отсутствие специальных

замечаний ниже описывается та разновидность шугнанского языка, на которой говорят в Хороге. Перед этим кратко охарактеризуем шугнанский сегментный инвентарь в сопоставлении с латинской иранистической орфографией (приводится в скобках, когда отличается от символа МФА).

Таблица 1. Вокализм шугнанского языка

Подъем ↓, ряд →	Передний		Средний		Задний
Верхний	i: ³ (î)				u: (û)
Средне-верхний	e: (e) ø: (û)	ɪ (i)		ʊ (u)	
Средне-нижний		ɛ: (ê)		ɔ: (o)	
Нижний			a a: (ā)		

Таблица 2. Консонантизм шугнанского языка

	Билабиальные	Лабiodентальные	Дентальные	Альвеолярные	Палато-альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увулярные
Взрывные	p b			t d			k ɡ	q
Носовые	m			n				
Одноударные				r (r)				
Аффрикаты				ts (c) ɬ (ç)	tʃ (č) tʃ (j)			
Фрикативные		f v	θ ð (ð)	s z	ʃ (š) ʒ (ž)		x (x̣) ɣ (ɣ̣)	χ (x) ʁ (ɣ)
Аппроксиманты	w					j (y)		
Боковые аппроксиманты				l				

³ Вообще для фонологического описания шугнанского вокализма не обязательно использовать понятие долготы. Несмотря на наличие фонетических свидетельств существования различий по длительности между фонемами типа /i:/ и /i/, вполне достаточно качественного противопоставления между этими сегментами (по ряду и подъему, по напряженности). В первой части нашей статьи, однако, мы придерживаемся более традиционных взглядов на шугнанский вокализм, чтобы не создавать слишком сильного разрыва с предшествующими описаниями.

1. Непозиционные («грамматические») чередования

Яркая особенность памирских языков, как уже было сказано, — это обилие несегментных морфологических средств, используемых для выражения разнообразных грамматических значений. В области именной морфологии чередованиями выражаются граммемы рода у указательных местоимений и некоторых прилагательных⁴ (и у тех существительных, которые обозначают пары гендерно противопоставленных живых существ типа *vorj* ‘жеребец’ / *vêrz* ‘кобыла’). У существительных чередование возможно также в основе множественного числа некоторых лексем (ср. *ris* ‘сын’ / *расеп* ‘сыновья’), однако в современном языке такие формы утрачиваются.

В области глагольной морфологии чередования имеют существенно бóльшую функциональную нагрузку и выражают граммемы практически всех базовых глагольных категорий: претерита, перфекта, инфинитива, а также лица, числа и рода подлежащего; аффиксальная морфология в выражении этих значений либо вовсе не участвует, либо участвует минимально.

Важно отметить также, что дистрибуция гласных в глагольных словоформах в большинстве случаев подчиняется дополнительным (мор)фонологическим правилам, применение которых накладывается на непозиционные чередования гласных и усложняет общую картину. К важнейшим из этих правил относятся:

- (1) *Морфонологическое удлинение* гласного глагольного корня перед группой согласных, последний из которых — показатель 3 ед. презенса *-d/-t* (ср. *winum* ‘вижу’ / *wint* ‘видит’)⁵; в случае гласных /a/ или /a:/ в аналогичных контекстах происходит чередование с /ɔ:/ (ср. *virayen* ‘ломаются’ / *viroyd* ‘ломается’, *wāfum* ‘плету’ / *woft* ‘плетет’).
- (2) *Морфонологическая монофтонгизация*, предписывающая чередование дифтонга /a:w/ в глагольном корне с гласной /ø:/

⁴ А также у группы наречий образа действия (типа *θuppast* [m.] / *θappast* [f.] ‘быстро; сразу’) и производных от прилагательных существительных, обозначающих свойство (типа *zuliki* ‘детство (мужчины)’ / *zaliki* ‘детство (женщины)’ от *zulik* [m.] / *zalik* [f.] ‘маленький’).

⁵ Существенно, что показатель 3 ед. — единственный чисто консонантный аффиксальный показатель лица/числа подлежащего; все остальные показатели начинаются с гласной.

перед тем же показателем 3 ед., ср.: *nāwen* ‘плачут’ / *nūd* ‘плачет’, *sirāwen* ‘отделяются’ / *sirūd* ‘отделяется’. Характерное исключение — *māwen* ‘мяукают’ / *māwt* ‘мяукает’; ср. также отсутствие подобного чередования у имен, напр. *kāwǰ* ‘щенок (оскорб.)’⁶.

- (3) *Преназальное повышение*, при котором /ɔ:/ чередуется с /ø:/, а /ɛ:/ с /e:/ перед носовыми, см. также (7)–(8) ниже.

Несмотря на позиционный характер, само применение указанных правил происходит далеко не во всех случаях, когда контекст это в принципе позволяет; существуют многочисленные исключения, связанные с индивидуальными особенностями глагольных лексем. Чередования также нередко не действуют в недавних заимствованиях и ономатопоэтических словах.

Собственно же непозиционных чередований гласных в шугнанском языке имеется два типа: в традиционных терминах их можно назвать *i*- и *a*-перегласовкой. При *i*-перегласовке производной ступенью оказывается либо /ɛ:/ (в случае исходных /ø:/ или /ɔ:/; перед носовыми выступает в виде алломорфа с /e:/), либо /i/ (при исходных /a/, /ɪ/, /ʊ/) или /i:/ (при исходных /a:/, /i:/, /u:/). При *a*-перегласовке производной ступенью оказывается либо /ɔ:/ (в случае исходной гласной /u:/), либо /a/ или /a:/ (длительность наследуется от исходной гласной). В работе И.А. Муравьевой эти чередования обозначаются как «*i*-ступень» и «*a*-ступень» соответственно (диахронически по крайней мере некоторые из них действительно восходят к «умлауту», т.е. регрессивной ассимиляции гласной корня под влиянием древней *i*-образной или *a*-образной гласной суффикса, впоследствии исчезнувшей)⁷.

⁶ В статье И.А. Муравьевой указывается и на монофтонгизацию /aɟ/ в /e:/, однако, по данным <https://pamiri.online>, это актуально не для собственно шугнанского (где финаль *āu* реализуется как *i* перед вокалическими и как *e* перед консонантными аффиксами), но для его диалектных вариантов (напр., баджувского и барвазского).

⁷ Ср. последовательное использование той же терминологии у Дж.И. Эдельман: «<...> в языках шугнано-рушанской группы <...> в результате действия *i*- и *a*-умлаута с последующим отпадением заударных слогов <...>, обусловивших умлаутные перегласовки в корне, вырабатываются определенные чередования гласных и согласных <...>, играющие морфонологическую роль» [Эдельман 1986: 205].

Каждое из указанных чередований является носителем большого количества разнообразных грамматических значений как в области именной, так и в области глагольной морфологии.

Начнем с именной морфологии. Категория рода (состоящая из двух граммем — мужского и женского рода) является словоклассифицирующей для существительных и словоизменительной для прилагательных, указательных местоимений и непереходных глаголов в формах прошедших времен. Противопоставление по роду возможно только в формах единственного числа; при этом регулярность в морфологическом выражении словоизменительных различий по роду свойственна только указательным местоимениям. В шугнанском представлены три дейктических серии этих местоимений (противопоставленные, на первый взгляд, по степени близости к дейктическому центру); дейктические местоимения всех серий различают также формы прямого и косвенного падежа. Из возможных таким образом 12 форм единственного числа (3 степени дальности \times 2 рода \times 2 падежа) род различают формы косвенных падежей во всех сериях⁸ (I *m.i/m.am*, II *d.i/d.am*, III *w.i/w.am*) и формы прямых падежей в III серии (*y.u/y.ā*); формы прямых падежей I (*ya.m*) и II (*yi.d*) серий рода не различают. Как можно видеть, в целом различие по роду у местоимений выражается скорее супплетивно, однако элементы морфемного (или субморфемного) членения в их составе прослеживаются (выше они показаны точками внутри словоформ): так, показателями дейктической серии являются консонантные элементы *m-/d-/w-* соответственно, показателями косвенного падежа являются суффиксы *-i* для мужского и *-am* для женского рода, а показателем прямого падежа — префикс с начальным *y-*. Наиболее затруднено морфемное членение как раз у форм прямого падежа III серии, различающих род (*y.u/y.ā*), но и в их составе выделяется гласный /*u/*, связанный с выражением мужского рода, и гласный /*a(:)/*, связанный с выражением женского рода (подробнее см. ниже).

Итак, указательные местоимения в целом хорошо вписываются в одну из моделей выражения рода: все формы женского рода характеризуются наличием гласного /*a(:)/*, а все формы мужского рода — наличием гласных /*i/* или /*u/*.

⁸ Ниже в примерах, если специально не оговорено иное, первой всегда приводится форма мужского рода, второй — форма женского.

Что касается прилагательных (и других согласуемых классов слов), то они для выражения рода могут использовать как чередование гласных, так и чередование финальных согласных корня⁹. Наиболее распространенным способом выражения граммы женского рода является *a*-перегласовка: она представлена в прилагательных и в формах претерита непереходных глаголов (переходные глаголы род не различают). Для выражения женского рода при образовании феминитивов от существительных мужского рода используется *i*-перегласовка (*a*-перегласовка в этой функции тоже встречается, но значительно реже), а также в формах женского рода перфекта непереходных глаголов (таким образом, претерит и перфект женского рода почти всегда имеют в шугнанском разные огласовки). Огласовка форм мужского рода при этом может быть различной, но чаще всего встречаются гласные /*u*/, /*u*:/ или /*ɔ*:/; у прилагательных и глаголов (а также местоимений) в мужском роде иногда встречается огласовка /*i*:/.

При *i*-перегласовке гласных финальные согласные /*tʃ*/ и /*ʒ*/ также чередуются с /*ts*/ и /*dz*/ соответственно.

Примеры на a-перегласовку:

(а) у прилагательных: *šut/šat* ‘хромой’, *žurn/žarn* ‘круглый’, *kut/kat* ‘короткий’, *rūšt/rošt* ‘красный’; *ciḥ/cāḥ* ‘горький’;

(б) у существительных: *čiḥ/čaḥ* ‘петух/курица’, *vīyd/voyd* ‘чёрт/ведьма’;

(в) у глаголов в претерите: *zibud/zibad* ‘прыгнул(а)’, *tīyd/toyd* ‘уехал(а)’; *sifid/sifād* ‘поднялся/поднялась’.

⁹ Уже в работе [Муравьёва 1975] справедливо отмечалось, что чередованиям в шугнанских словоформах могут подвергаться только две последние фонемы основы: в первую очередь это гласная, но в непозиционные чередования могут быть вовлечены и финальные шипящие аффрикаты в основе перфекта, чередующиеся в этом случае со свистящими. Кроме того, особый класс чередований согласных корня возможен перед альвеолярным показателем основы претерита в глаголе: в первую очередь это чередования *b/v*, *s/š* и *z/ž*. Их можно описывать как позиционные, но при этом перед омонимичным показателем 3 ед. презенса подобных чередований не происходит, ср. (первой приводится форма 3 ед. презенса, второй — основа претерита): *ḫebt/ḫīvd* ‘колотить’, *divest/diviḥt* ‘показывать’, *abēzd/aboḥt* ‘глотать’; в то же время имеются глаголы типа *nīwozd/nīwēzd* ‘играть (на струнном инструменте)’, где конечная согласная такому чередованию не подвергается.

Примеры на i-перегласовку:

(а) у прилагательных: *taŷzũnŷ/taŷzenz* ‘голодный’ (едва ли не единственный пример; следует иметь в виду, что в этих формах представлены «глубинные» о/ê, подвергшиеся преназальному повышению, см. выше);

(б) у существительных: *buc/bic* ‘детёныш, дитя’, *kud/kid* ‘кобель/сука’, *puš/piš* ‘кот/кошка’, *guj/gij* ‘козлёнок/козочка’, *nibos/nibês* ‘внук/внучка’, *voř/vêrz* ‘конь/кобыла’;

(в) у глаголов в перфекте: *zibuđŷ/zibic* ‘прыгнул(а)’, *tũyŷ/tic* (< *tũc) ‘уехал(а)’, *sifiđŷ/sific* ‘поднялся/поднялась’ (следует обратить внимание также на сложные консонантные преобразования в исходе форм женского рода). У существительных и прилагательных данные чередования имеют весьма ограниченное применение: субстантивные феминитивы в целом немногочисленны и непродуктивны, а прилагательные, чередующиеся по роду, составляют явное меньшинство (так, в грамматике [Карамшоев 1963] таких пар перечислено менее сорока); не подвергаются чередованию такие частотные прилагательные, как, например, *yulā* ‘большой, старший’, *daxt* ‘ровный, широкий’, *tund* ‘острый, едкий’, *řin* ‘серый, голубой’ и мн. др. Большинство адъективных лексем с родовой перегласовкой либо теряют чередование в речи молодых носителей, либо вовсе неизвестны младшему поколению. В то же время в глагольных формах претерита и перфекта чередование по роду сохраняется; представляет особый интерес тот факт, что показатель женского рода в формах претерита и перфекта формально разный: в первом случае это *a*-перегласовка, во втором случае — *i*-перегласовка.

Обратимся теперь к глагольной морфологии. В шугнанском глаголе морфологически выражаются следующие словоизменяемые граммы: презенс, претерит, перфект, инфинитив; в формах презенса морфологически выражаются лицо/число подлежащего, в формах претерита и перфекта непереходных глаголов морфологически выражается число и (в формах единственного числа) род подлежащего. В выражении всех этих значений участвуют непозиционные чередования, формируя так называемые основы глагола: в общем случае могут различаться 1) общая основа презенса (NPST), 2) основа 3 ед. презенса, 3) основа претерита м. рода, 4) основа претерита ж. рода и множ. числа, 5) основа перфекта м. рода, 6) основа перфекта ж. рода, 7) основа перфекта

множ. числа, 8) основа инфинитива¹⁰. При этом основа презенса не имеет сегментных показателей (выражаясь только чередованием). Показателем 3 ед. презенса, основы претерита и основы инфинитива замечательным образом является один и тот же омонимичный суффикс *-d/-t* (в первом приближении, алломорф *-t* употребляется после глухих согласных, а также после сонорных, что необычно, ср. англ. *merged* /mɛ:ʤd/, но также и *wined* /wɔjnd/ или *killed* /kɪld/. Сегментными показателями основы перфекта являются аффрикаты (со сложным распределением глухих, звонких, шипящих и свистящих алломорфов), присоединяемые к основе претерита, однако часто с нерегулярными преобразованиями последней, на которых мы не будем подробно останавливаться: ограничимся общим указанием на то, что альвеолярный взрывной показатель основы претерита в основах на согласный исчезает (как в *wift/wifč* ‘плести’), а в основах на гласный может в основе перфекта (а) подвергаться спирализации, переходя в дентальный фрикативный, как в *zinod/zinodž* ‘мыть’, (б) заменяться на велярный фрикативный, как в *mūd/mūjž* ‘умирать’, *čūd/čūjž* ‘делать’, (в) исчезать, как в *dit/dič* ‘бить’.

Таким образом, во всех случаях, кроме основы презенса, чередования сопровождаются некоторой минимальной суффиксацией, однако роль чередований в образовании всех восьми возможных основ глагола является ведущей. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в современном шугнанском языке чередования не являются обязательными: существуют глаголы, часть или даже все основы которых полностью совпадают, причём даже одинаковые или сходные в фонетическом отношении основы могут вести себя по-разному. Так, глагол *paloys-* ‘работать’ имеет неизменяемую основу (с общей основой презенса *paloys-*, презенсом 3 ед., основой пре-

¹⁰ Формально может выделяться также особая основа императива, однако для рассматриваемой здесь проблематики она нерелевантна: в общем случае императив образуется от основы презенса, и особая основа императива всегда нерегулярна, тогда как перечисленные выше основы образуются путем чередований. Правила образования основ глагола наиболее подробно рассмотрены в [Карамшов 1963] и в статье [Муравьёва 1975], где предпринимается попытка установить общие закономерности образования глагольных основ и выделить основные словоизменяемые типы шугнанского глагола; к сожалению, в статье И.А. Муравьёвой из рассмотрения исключены основы перфекта, с образованием которых в шугнанском связаны дополнительные сложности.

терита и инфинитива *paloys.t*, основой перфекта *paloys.č* и т.п.), а глагол *riwoys-* ‘голодать’ противопоставляет обе основы презенса (*riwoys*) всем остальным основам (*riwêy-* с основой претерита и инфинитива *riwêy.d-*, перфекта *riwêy.j* и т.п.; в баджувском диалекте дополнительно различается ещё основа претерита и перфекта *riwîy-*). Аналогичным образом глагол *târ-* ‘чистить, убирать грязь’ имеет неизменяемую основу во всех формах, тогда как глагол *vâr-* ‘приносить’ обладает максимальным разнообразием основ: общая през. *vâr-*, през. 3 ед. *vîr.t*, прет. *vî.d-*, перф. *vîŷ.j*, инф. *vî.d-*.

Разумеется, полное описание шугнанской глагольной морфонологии выходит далеко за рамки настоящей статьи, поэтому ограничимся констатацией следующих фактов.

- (а) У каждой глагольной граммы имеется выражающий ее тип непозиционного чередования; в некоторых случаях таких типов может быть несколько; возможно также отсутствие чередования.
- (б) Выбор из возможных для каждой граммы типов чередований (включая отсутствие чередований) является индивидуальным словарным свойством глагольной леммы.

Имея это в виду, заметим, что (i) в общей основе презенса возможна *a*-перегласовка, (ii) в основе 3 ед. презенса — *i*-перегласовка, (iii) в основе претерита ж. рода и множ. числа возможна *a*-перегласовка (как в формах прилагательных и маргинальных формах множ. числа существительных типа *kud/kad.en* ‘собаки’), (iv) в основе перфекта ж. рода возможна *i*-перегласовка, (v) в основе перфекта множ. числа возможна *a*-перегласовка (аналогично претериту и именному множ. числу) и, наконец, (vi) в основе инфинитива возможна *i*-перегласовка. Таким образом, по типу огласовок объединяются, с одной стороны, 3 ед. презенса, перфект ж. рода и инфинитив (*i*-образные модели) и, с другой стороны, общий презенс и претерит ж. рода / множ. числа (*a*-образные модели). Всё это — основы с преобразованной огласовкой (точнее, те, где преобразование огласовки возможно); нетрудно заметить, что оставшаяся вне этого перечня основа претерита мужского рода сохраняет (точнее, может сохранять) «исходную» огласовку (как правило, это /*u*/, /*u*:/ или /*i*:/, аналогично прилагательным м. рода).

Дальнейшие преобразования, наблюдаемые в различных глагольных формах, объясняются уже (нерегулярными и неавтоматическими) позиционными чередованиями фонем; часть из них мы упоминали выше.

2. Позиционные и автоматические чередования

На другом конце шкалы находятся такие чередования, реализация которых полностью или почти полностью обусловлена фонетическим контекстом; они происходят наиболее «автоматически» и меньше поддаются контролю говорящего.

Одним из наиболее заметных таких чередований является аллофоническое варьирование фонем /i/ и /u/ в конечной позиции. Тогда как внутри слова в закрытом слоге они реализуются закрытыми аллофонами, оказываясь в конце фонетического слова, /i/ реализуется как [ɛ], а /u/ — как [o] или даже [ɔ]: /dɪl/ [dɪl] ‘сердце’, но /dɪ/ [dɛ] ‘бей!'; /kut/ [kut] ‘короткий’, но /ku/ [kɔ] ‘ну-ка’. Такие реализации /i/ и /u/ отмечались уже в середине XX в. (ср. [Соколова 1953], где этот процесс описан как собственно фонетический). Итак, соответствующее фонологическое правило формулируется просто¹¹:

$$(4) \begin{bmatrix} -low \\ -tense \end{bmatrix} \rightarrow [+tense] / _ \#,$$

где # обозначает границу фонетического слова.

Однако в действительности ситуация сложнее. Если указать границу фонетического слова в качестве контекста, отсекаются случаи присоединения энклитик, хотя, например, вопросительная частица /ɔ/ не препятствует действию правила (contra [Соколова 1953: 93]): *Yid pari* /'jɪd pa'ɪ/ [ʲjɪt pa're] ‘Это пери (волшебное существо)', *Yid pari = o?* /'jɪd pa'ɪɔ/ [ʲjɪt pa'rejɔ] ‘Это пери?’. Подходящим решением на данном этапе было бы отнести это правило к области морфонологии и использовать следующую формулировку:

$$(5) \begin{bmatrix} -low \\ -tense \end{bmatrix} \rightarrow [+tense] / _]^{root},$$

где]^{root} обозначает границу корня слова¹².

Фонема /u/ также подчиняется правилу (5): *du = yi xāb = and* /'duji 'xa:band/ [ʲ'dɔjɛ 'xa:bant] ‘в два (часа) ночи’.

¹¹ Здесь и ниже долгота в транскрипции обозначается только у /a:/ [+tense] (ср. /a/ [-tense]); длительность частично соответствует признаку [tense].

¹² Стоит отметить, что [-low -tense] → [+tense] / _]_o, где]_o — слоговая граница, просто неверно: *Yid dil = o?* [ʲjɪd 'dɪ.lɔ], * [ʲjɪd 'dɛ.lɔ] ‘Это сердце?’.

При определении домена действия правила нужно учесть не только клитики, но и морфемы. Формулировка (5) предсказывает, что суффиксы, присоединяющиеся к основе, не будут препятствием для процесса. В действительности это верно лишь для некоторых из них. Так, суффикс множественного числа *-en*, присоединяясь к корню на /i/¹³, не оказывает никакого влияния на (5): *pariyen* /paɾi'en/ [paɾe'jen] 'пери.PL'; аналогично — с корнями на /u/: *ɟodu* /ɟɔ'du/ [ɟɔ'dɔ] 'колдун', *ɟoduyen* /ɟɔ'du'en/ [ɟɔ'dɔ'jen] 'колдуны'. С глагольными суффиксами всё иначе: *si-c* [sits], *[sets] 'идти-PP.F'; *vu-d* [vut], *[vot] и *[vɔt] 'быть-PST'. Видимо, формулировка должна содержать информацию о типе суффикса:

$$(6) \left[\begin{array}{l} -low \\ -tense \end{array} \right] \rightarrow [+tense] / _]^{root} \left\{ \begin{array}{l} \text{clitics or non-verbal suffixes} [_] \\ \# \end{array} \right\}$$

где {} обозначают вариативную часть правила («или»).

Наконец, возможно еще одно решение. По крайней мере для фонемы /i/ ясно, что в современном языке она не встречается в своем основном виде в конечной позиции. Это же с некоторыми оговорками верно и для /u/. Если в середине XX в., по описанию [Соколова 1953], еще были ситуации, когда конечная /i/ могла реализоваться как [ɪ], то для современных носителей произнесения типа [pa'ɪ] 'пери' представляются неверными. Это же отображается в практической орфографии, которой шугнанцы пользуются в повседневной жизни; в ней данное слово могло бы быть записано как *pare*, но никак не *pari*. Правило наподобие (6) можно исключить из синхронного описания фонологии, если принять, что все словоформы, кончающиеся на /i/, на самом деле уже сохранили в исходе фонему /ɛ/, то есть (6) — часть диахронии¹⁴.

Более фонологичным, на первый взгляд, является правило преназального повышения, ср. также (3) выше:

$$(7) \text{ɔ} \rightarrow \emptyset: / _ [+nasal]$$

¹³ Проверить, что будет происходить с основами на /u/ в аналогичной ситуации, весьма трудно: в основном это слова незначительных частей речи (частица /ku/ 'ну-ка'), или местоимения (/mu/ '1SG.O'), или заимствования, которые потенциально могут быть переосмыслены как имеющие /u/. Более того, по данным <https://ramiri.online>, отношение словарных входов на /u/ к входам на /i/ — 1:55.

¹⁴ Тем не менее для описания заимствований это правило синхронно необходимо.

Несмотря на обилие примеров с сочетаниями *ûn* и *ûm* <https://pamiri.online> (их около 1200), есть и словарные входы с *on* и *om* (около 150). Часть из них объясняется тем, что в других вариантах шугнанского, например в барвазском, правило (7) не действует, ср. барвазское слово *faʊon* ‘постель’. Другая часть, однако, содержит лексику, использующуюся и в собственно шугнанском. Так, в слове *qonûn* ‘закон, обычай’ преназального повышения не наблюдается.

Проблема кроется в том, что формулировка (7), соответствующая известным нам описаниям [Соколова 1953; Эдельман, Юсуфбеков 1999; Edelman, Dodykhudoeva 2009; Olson 2017], не учитывает слоговые границы, имеющие в преназальном повышении существенный вес. Слова *qonûn* /qɔ.ˈnʊn/ ‘закон, обычай’, *foni* /fɔ.ˈni/ ‘тленный’, *daromad* /da.ɾɔ.ˈmad/ ‘доход’, *gomu* /gɔ.ˈmu/ ‘тулуп, овчина (крытая материей)’ и др. имеют слоговую границу между /ɔ/ и носовым, и правило не применяется. Уточненная формулировка такова:

- (8) $\text{ɔ} \rightarrow \emptyset: / [C_1 _ [+nasal](C_1)]_{\sigma}$,
 где C_1 значит «по крайней мере один согласный», а () обозначают факультативную часть.

И все же как объяснить то, что в словах типа *arzûni* /a.ɾzɔ.ˈni/ ‘дешевизна, доступность’ (<тадж. *арзонӣ*) преназальное повышение имеет место? Оказывается, что значимо еще и то, от чего словоформа производна (*arzûni* < *arzûn* /a.ˈɾzɔn/ ‘дешевый’). Если производящая основа удовлетворяет условиям правила (8), то результат его применения сохраняется и в производных лексемах. Итак, снова оказывается, что «чисто фонетическое правило» все-таки требует обращения к морфологии.

В (3) упоминается действие этого правила и для /ɛ/, которое «повышается» до /e/. Действительно, есть ряд причин полагать, что это так. Например, по данным <https://pamiri.online>, /ɛ/ встречается перед носовыми лишь в 20 словоформах. Большая их часть на самом деле не является исключением из-за слоговых границ, ср. *mênat* /mɛ.ˈnat/ ‘труд’. Тем не менее ряд факторов говорит о меньшей категоричности этого чередования по сравнению с (8). Так, в стяженных формах типа *zêmt* ‘беру’ (ср. полную форму *zêzum*) /ɛ/ перед носовым встречается в закрытом слоге. Более того, нередко возможна вариативность внутри шугнанских форм типа *tetûn/mêmtûn* ‘гость’, что может говорить либо о разнооб-

разных способах передачи таджикского сочетания *eχ* (ср. тадж. *меҳмон* ‘гость’), либо о том, что чередование /ε/ с /e/ менее последовательно и/или регулируется другими правилами.

В заключение обратимся к консонантным процессам. Шугнанские шумные согласные могут быть подвержены конечному оглушению: /kud/ [kut] ‘собака’. В определенных ситуациях (например, при нарочито отчетливом чтении) глубинная звонкость может сохраняться путём добавления гласного призвука после конечного звонкого; более того, на сохранение звонкости (в том числе и без гласного призвука) может влиять и глубина просодического шва, см. подробнее об этом понятии в [Кривнова 2015]. Суффиксы и энклитики, как правило, препятствуют оглушению: /kuden/¹⁵ [ku'den] ‘собаки’, *Yid kud = o?* /'jɪd 'kudɔ/ ['jɪt 'kudɔ] ‘Это собака?’. Можно постулировать следующее правило конечного оглушения:

$$(9) \left[\begin{array}{l} + \text{consonantal} \\ + \text{voiced} \end{array} \right] \rightarrow [- \text{voiced}] / _ \#$$

Несмотря на (9), глубинная глухость/звонкость конечного сегмента всё равно выражается фонетически. Во-первых, как было показано в [Макаров 2022], гласный перед глубинно звонким конечным сегментом реализуется более длительно, чем перед глубинно глухим. Во-вторых, в полном произношении конечные взрывные, оглушаясь, различаются количеством придыхания и интенсивностью взрыва: у глубинно звонких оно в целом короче, чем у глухих (см. также [Makarov 2022]).

Если принять, что эти акустические ключи значимы перцептивно, встает вопрос о том, как это должно моделироваться фонологически. Должен ли вводиться специальный признак [+long]¹⁶ для гласных? Чем различаются придыхательные аллофоны на месте конечных взрывных? Адекватно ли такое простое правило конечного оглушения, как (9)?

¹⁵ Существует вариант /kaden/ ‘собаки [f.]’, содержащий корневое чередование. У современных носителей, по нашему опыту, этот вариант с перегласовкой встречается реже, см. также замечание о корневых перегласовках в именных частях речи выше.

¹⁶ Традиционные описания шугнанского вокализма оперируют терминами «долгий» и «краткий гласный». В правилах (4–9) им частично соответствует признак [+tense], см. также примечания на этот счет выше.

Оставляя поиск ответов на эти и другие вопросы будущим исследованиям, отметим, что автоматические чередования лишь на первый взгляд просты и поверхностны. С одной стороны, за кажущейся «чистой фонетикой» может скрываться морфонология, а с другой, даже за привычным (например, русскоязычному читателю) автоматическим чередованием может скрываться нечто более сложное.

Благодарность

Публикация подготовлена в ходе исследования (проект № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Список условных сокращений

1SG.O — косвенная форма местоимения первого лица единственного числа; F — женский род; NPST — презенс / непрошедшее время; PF — перфект; PL — множественное число; PST — претерит / прошедшее время.

Литература

- Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1960.
- Карамшоев Д. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: ИЯЛ им. Рудаки. 1963.
- Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь, т. 1. М.: Наука. 1988.
- Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь, т. 2. М.: Наука. 1991.
- Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь, т. 3. М.: Восточная литература. 1999.
- Кривнова О.Ф. Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). М.: Изд-во РГГУ. 2015. С. 338–351.
- Макаров Ю.Ю. Реализация взрывных согласных в шугнанском языке [Plosives in Shughni]. Курсовая работа. 2022.
- Маслов Ю.С. О типологии чередований // Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: ЯСК, 1979/2004. С. 757–764.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том III. Часть третья: Морфологические средства; Часть четвертая: Морфологические синтактики / Пер. с франц. М.: ЯРК. 2000.
- Муравьева И.А. Непозиционные чередования фонем в шугнанском языке // Звегинцев В.А. (ред.), Исследования по структурной и прикладной лингвистике (Публикации ОСиПЛ, 7). М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 124–135.

- Пахалина Т.Н. Исследование по сравнительно-исторической фонетике памирских языков. М.: Наука. 1983.
- Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, изд. 3 (испр. и доп.). 2009.
- Соколова В.С. Очерки по фонетике иранских языков, вып. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1953.
- Эдельман Дж.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М.: Наука. 1986.
- Эдельман Дж.И., Юсуфбеков Ш.П. Шугнанский язык // Расторгуева В.С., Эдельман Дж.И., Мошкало В.В. (ред.), Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. М.: Индрик, 1999. С. 225–242.
- Edelman J.I., Dodykhudoeva L.R. Shughni. Windfuhr G. (ed.). *Iranian Languages*. London: Routledge, 2009. P. 787–824.
- Makarov Y. *The Answer is Blowin' in the Wind: What is it in Shughni that contributes to the typology of final laryngeal neutralization?* // Герасимов Д.В. (ред.). Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (СПб, 24–26 ноября 2022 г.) СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 198–201.
- Makarov Y., Melenchenko M., Novokshyanov D. Digital Resources for the Shughni Language. *Proceedings of The Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille, France: European Language Resources Association, 2022. P. 61–64.
- Mel'čuk I.A. Morphological processes // Т.М. Николаева (ред.), *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А.А. Зализняка*. М.: Индрик, 1996. С. 526–563.
- Olson K. *Shughni Phonology Statement*. SIL International. 2017.